

УДК 101.1:316

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-3-123-134

СОЦИАЛЬНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Мальцев К. Г., Мальцева А. В.

*Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова
308012, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Костюкова, д. 46, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Философское истолкование социального как определяющего современность, представленную в господствующей экономической парадигме.

Процедура и методы. В работе приведён анализ описания «господства социального», обусловленного изменением позиции и способов производства индивидом своего мира, тематизированных Х. Арендт и Б. Латуром; выбор обусловлен задачей выявить характерные примеры представления социального в действующей парадигме действительности.

Результаты. Проведённый анализ показал, что производство социального в результате трудовой деятельности, содержанием которой, по Х. Арендт, являются непрерывный процесс воспроизводства условий жизни и их потребление без остатка, ведёт к растворению основных видов деятельности человека по устройству мира (политической и производящей) в трудовом процессе и исключению возможности политического из современности; в свою очередь, Б. Латур установил, что именно производство политического, становясь моделью для конструирования социального, во-первых, препятствует его действительному объяснению и, во-вторых, навязывает социальному искажающую его форму. Освобождение социального от политического является условием установления социального в его собственном виде.

Теоретическая и/или практическая значимость. В работе фиксируется различие в оценках Х. Арендт и Б. Латура поглощения политического социальным и становления мира как социального. В заключении делается вывод, что социальность есть один из необходимых эффектов представления действительности в экономической парадигме.

Ключевые слова: господство, массы, мир, политическое, социальность, экономическая парадигма, animal laborans

SOCIAL AND POLITICAL IN THE ECONOMIC PARADIGM

K. Maltsev, A. Maltseva

*Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov
ul. Kostyukova 46, Belgorod 308012, Belgorod Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. Philosophical interpretation of the social as defining modernity, represented in the prevailing economic paradigm.

Methodology. The article provides an analysis of the description of the “domination of the social” caused by the change in the position and methods of production of the individual of his own world, thematized by X. Arendt and B. Latour. The choice is due to the task of identifying characteristic examples of the representation of the social in the current paradigm of reality.

Results. The analysis showed that the production of social as a result of labor activity, the content of which, according to Arendt, is a continuous process of reproduction of living conditions and their «without a trace» consumption, leads to the dissolution of the main types of human activities for the arrangement of the world (political and productive) in the labor process and the exclusion of the pos-

sibility of political from modernity. In turn, B. Latour established that it is precisely the production of the political, becoming a model for the construction of the social that prevents, firstly, its actual explanation and, secondly, imposes on the social a form that distorts it. The liberation of the social from the political is a condition for the establishment of the social in its own form.

Research implications. The article fixes the difference between the assessments of H. Arendt and B. Latour on the absorption of the political by the social and the formation of the world as a social. It is concluded that sociality is one of the necessary effects of presenting reality in the economic paradigm.

Keywords: domination, masses, peace, political, sociality, economic paradigm, animal laborans

Введение

«Вопрос о социальном» – это вопрос о способе существования, составе и структуре того, что в горизонте немецкой философской классики называется «миром» (мир – это всегда *человеческий мир*); в той *существенной* степени, в какой речь идёт о *принципе* и *начале* социального в его связи с *деятельностью*, это – существенно *политический* вопрос: несмотря на то, что каждый индивид «застаёт мир» (или «брошен в мир»), его началом является *полагающее*, т.е. политическое, *решение*, к которому каждый оказывается или способен, или нет. Неспособность «историографического животного» (М. Хайдеггер [22, с. 215]), или *homo laborans* (Х. Арендт [4, с. 313]), или «массового человека» (Ж. Бодрийяр [7]) к *решению*, определяющая судьбу новоевропейского субъекта, либо представляемая как характерное обстоятельство нового времени, ведёт к растворению политического в социальном: «господство социального» (Х. Арендт) определяет современность (утверждение спорное, но достоверное – с одной из возможных точек зрения). Социальное полагается почти универсальным ключом, или лучше кодом (или отмычкой), для *объяснений* мира (так же, как в XVIII в. объяснение в естествознании считалось завершённым, когда его удалось довести до законов механики, свести предмет объяснения к действующим причинам), который теперь – социальный мир. Если появляется подобный код, делом философии является *спросить* о нём: поставить вопрос; тем самым, в случае удачи, можно выстроить *горизонт* осмысленного говорения и прочертить основные *возможные* «колеи» познания; дальнейшее – дело науки. Цель

работы – *подготовить* возможность «здать вопрос о социальном», т.е. предпринять *опыт* его философского истолкования; мы выбрали для этого два способа его представления, выявленные Х. Арендт [4] и Б. Латуром [13], – оправданность такого решения может быть продемонстрирована ходом исследования и его результатом.

Современность; «разрешение» политического в социальном

Своё понимание «социального» Арендт выстраивает, во-первых, в противопоставлении политическому и, во-вторых, в связи со сказанным в перспективе того, какой вид деятельности индивида превалирует в общем характере эпохи: она разделяет «человека политического», «человека производящего» и «человека работающего»; решающим является *способ*, каким человек создаёт / участвует в *своём мире*. Смена такого способа фиксируется в языке; Арендт обращает внимание на «глубокое непонимание, дающее о себе знать в латинском переводе слова “политический” через “социальный”» [4, с. 38], которое «отчётливо обнаруживается», когда Фома Аквинский «сравнивает управление домашним хозяйством с властью в общественной политической сфере» [4, с. 38]. Арендт утверждает, что для античного полисного мышления «было ясно», что даже власть тирана по своей полноте (всеохватности и абсолютности) *уступает* власти «домохозяина». Дж. Агамбен [2] на этом различии, например, выстраивает своё противопоставление между полиархичной парадигмой полиса (затем уже у К. Шмитта [24] это было положено в основание концепта «понятия политического») и монархической

парадигмой ойкоса, путём долгой исторической эволюции, превратившейся в экономическую парадигму политического: отношения между гражданами полиса и отношения в домохозяйстве принципиально отличаются друг от друга. Арендт указывает, что для «полисного мышления» «абсолютное, непререкаемое господство внутри политической сферы расценивалось как *contradictio in adiecto*» [4, с. 38].

Обращаясь к традиции греческой философии политики (в первую очередь к Аристотелю), Арендт прослеживает становление такого представления, что сфера домашнего хозяйства выстраивается относительно *необходимости*, связанной с *обеспечением жизни*, в то время как жизнь полиса возможна только *после* того, как необходимые нужды надлежащим образом обеспечены, и потому относится к области свободы; Агамбен [2] обращает внимание на различие между «ζωή» и «βίος»: в первом случае речь ведётся о животной жизни, во втором – о политической. Арендт пишет, что несомненная связь между социальным и политическим, ясная уже «полисному мышлению» «естественным образом предполагала, что удовлетворение жизненных нужд внутри домашнего хозяйства создаёт условия для свободы в полисе» [4, с. 42] и что под политикой никогда не понималось обеспечение «средств жизни». Однако греческая философия продвинулась дальше: над указанной противоположностью животной и полисной жизни располагалось то, что называется «созерцательной жизнью»: обычно со ссылкой на Платона, жизнь философа должна быть свободной как от животной, так и от политической жизни; если у Платона философ должен быть «царём» (здесь впервые обнаруживается зафиксированное противоположение «auctoritas» и «potestas»: важнейшее государственно-правовое различие, по утверждению Шмитта [23, с. 190]), т. е. «пребывать в славе», но никак не «править» (Дж. Агамбен [2]), в политической мысли нового времени позиция «над» больше определяется как *критическая*, т. е. как особенная позиция «интеллектуала» (модернизация, характерная уже для XX в.).

Дж. Агамбен [2] описывает, каким образом экономическая парадигма политического к XVIII в. в своей либеральной версии становится господствующей парадигмой *представления действительности* на Западе; собственно говоря, *тотализация социального* есть одно из необходимых следствий так *представлять*. Арендт описывает это в горизонте «поглощения политического социальным», утверждая, что, уже подготовленное «переводом с греческого на латинский», «Новое время с его новоевропейским понятием общества ещё решительнее усложнило картину» [4, с. 39]: последовательно и *принципиально* разделяемые греками (и по-другому, но и римлянами) области публичного и частного в Новое время потеряли отчётливость именно в связи с недействительностью самого принципа: «Ново возникновение некоего в собственном смысле социального пространства, совпавшего по своему появлению с зарождением Нового времени и нашедшего свою политическую форму в национальном государстве» [4, с. 39]. Для «нас», как пишет Арендт, «само собой понятно отсутствие строгого отличия этих вещей друг от друга», потому, что «от истоков Нового времени всякий национальный организм и всякое политическое общественное образование мы понимаем в образе семьи, представляя ведение и упорядочение всех их дел и каждодневных занятий по типу гигантски разросшегося аппарата домашнего хозяйства» [4, с. 39]. Характеризующая этот ход событий научная мысль «называется уже не наукой политики, а “национальной экономией”, народным хозяйством или “социальной экономией”, и все эти выражения указывают на то, что мы по сути имеем дело с некоего рода “коллективным домохозяйством”. То, что мы именуем сегодня обществом, есть фамильный коллектив, который экономически понимает себя как гигантскую сверхсемью, а его политическая форма организации образует нацию» [4, с. 39].

Таким образом, «Новое время собственно вообще не отделяет и не отличает общественное от политического» [4, с. 44]. Происходит то, что Арендт называет «функционализацией политического», которая

«делает естественно невозможным хотя бы просто заметить дистанцию, отделяющую политическое от общественного» [4, с. 45]: «с выходом “домохозяйства” и “экономических” видов деятельности в пространство общественного, само ведение хозяйства и все занятия, прежде принадлежавшие к частной сфере семьи, теперь касаются всех, т. е. стали «коллективными» заботами. Так что в современном мире эти две области постоянно переходят одна в другую, словно они лишь волны в вечнотекущем потоке жизненного процесса» [4, с. 45]. Социальное, таким образом, есть *общее имя для жизненного процесса* в его целом.

«Господство социального» нисколько не связано с “монархическим принципом” и не имеет “моделью” “дворцовое хозяйство абсолютной монархии» [4, с. 53]; оно обеспечивается именно экономической парадигмой политического, господствующей либеральной её версий, но от этого не становится менее “деспотическим”; Арндт замечает, что «никто, а именно гипотетическое единство экономических общественных интересов, как и гипотетическое единодушие расхожих мнений в салонах хорошего общества, правит не менее деспотично оттого, что не привязан ни к какому конкретному лицу» [4, с. 53–54]. Здесь следует вспомнить утверждение М. Вебера [9] о том, что в современном (либеральном) государстве политика больше не нужна, так как оно *управляется* также, как большое предприятие; Агамбен [2] демонстрирует, что в экономической парадигме управление представляет собой деятельность по возвращению к вечному порядку, основоположения которого остаются неизменными, и реализуется земной иерархией (*аналогичной* небесной иерархии); эта земная иерархия в своей завершённой форме и есть то, что Вебер называл *бюрократией* (управление по правилам), и Арндт пишет, что «феномен господства социального», т. е. «этого никто», «нам слишком уж хорошо известен по “социальнейшему” из всех государственных формирований, бюрократии, которая не случайно на последней стадии национально-государственного развития приходит к господству» [4, с. 54].

«Либеральная метафизика», которая сводит политику к «равновесию интересов» (а к *интересам* редуцирует все различия до такой степени, что общего между кальвинистом и исламистом больше, чем различий (Ф. Р. Анкерсмит [3, с. 244])), это общее – материальные ценности (Д. Лал [12]), которые и репрезентируются как собственно политическое (Ф. Р. Анкерсмит [3]), достигаемому в «прозрачной коммуникации» (Ю. Хабермас [25; 26], Дж. Ролз [27]) [17] в публичной бесконечной дискуссии (К. Шмитт [24]), тем самым сводит любое политическое к экономическому, т. е. теперь к социальному (причём именно социальное без остатка растворяется в экономическом; политизации социального, которые предлагает У. Бек [6] для его защиты, могут только смягчить, но не изменить тотальную монокаузальную логику капитала).

Арндт утверждает, что политическое, как, например, политическое действие, *по сути*, не может быть редуцировано к социальному; тем не менее, это происходит: «Решающим для этих феноменов является в конечном счёте лишь то, что общество на всех своих стадиях развития точно так же, как прежде сфера домохозяйства и семьи, исключает действие в смысле свободного поступка. Его место занимает поведение, которое в различных по обстоятельствам формах общества ожидается от всех его членов и для которого оно предписывает бесчисленные правила, все сводящиеся к тому чтобы социально нормировать индивидов, сделать их социальными и воспрепятствовать спонтанному действию, равно как выдающимся достижениям» [4, с. 54]. К XIX в. процесс завершился: «В современном массовом обществе речь идёт уже только о функциях внутри социального процесса» [4, с. 54]: «Массовое общество в конечном счёте всосало в себя и нивелировало социальные классы и группировки. В массовом обществе социальное в ходе векового развития достигло наконец точки, когда все члены того или иного коллектива одинаково скованы и с равной силой контролируются. Массовое общество демонстрирует победу социальности вообще; оно являет собой ту

стадию, когда стоящих вне общества групп просто уже нет» [4, с. 54–55]. «Господство социального» не нуждается больше в «политическом деспоте», но «достигается среди полной добровольности» [4, с. 53], и называется «конформизмом» [4, с. 53]. Масса, как её определяли Арендт [5], а затем и Бодрийяр [7], заместила собой народ, а политическое растворилось в социальном.

Современность является завершением многовекового процесса, в которой, наконец, была «достигнута стадия», «когда действительно, а не только теоретически общество как целое стало субъектом нового жизненного процесса» [4, с. 339]; «чисто социальная точка зрения» на действительность / общество «определяется исключительно жизненным процессом человеческого рода, который постоянно обновляет и воспроизводит себя через производство средств для своей жизни» [4, с. 114]; политическое как таковое, которое могло бы быть представлено не «просто производное социума», было *снято*. Агентом (в силу традиции называть его субъектом было бы неверно: субъект является волевым, более того, у Канта – свободным [11], а речь больше не идёт ни о том, ни о другом) социальности является то, что Арендт называет *animal laborans*. Социальность воспроизводится *трудом* и есть, как мы сказали, сфера «жизненной необходимости»; «социальное пространство, в котором процесс жизни учреждает свою собственную публичную сферу, известным образом развязало неестественный рост самого же природного; и противостоять не только социальности, но и этому постоянному разрастанию самого социального пространства приватное и интимное с одной стороны и политическое (в узком смысле слова) с другой оказались неспособны» [4, с. 62]. Работа – по своему существу коллективная деятельность; ход работы требует, «чтобы каждый отдельный работник на время работы загасил в себе сознание своей индивидуальной идентичности» [4, с. 283]. Оттого «все выводимые из труда “ценности”, насколько они выходят за пределы естественной функции обслуживания жизненного процесса общества и индивида, имеют по существу “социальную”

природу и в принципе не отличаются от того дополнительного удовлетворения, какое получают, скажем, принимая пищу в обществе» [4, с. 283]: «Для *animal laborans* “смысл и ценность его работы целиком и полностью зависят от социальных условий”, делающих возможным гладкое функционирование процессов труда и потребления [4, с. 284].

Современное общество «есть форма, в какой сам по себе процесс жизни публично институировал и организовал себя» [4, с. 61] и не предполагает «выделенного» и «защищенного» публичного пространства, потому что в «трудовом обществе», агентом которого является *animal laborans*, в самом процессе труда он оказывается «отброшенным» к *телу*, и «подчиненным голой нужде жизнеобеспечения» [4, с. 69]. Можно вспомнить в этой связи определение М. Хайдеггера: «То, что не зафиксировано в правилах и не стоит в плане, не обладает действительностью» [22, с. 275], а современный человек есть «то, чем он считается. А он считается тем, что подытоживает ответы на многие кружащие над ним формуляры, – человек есть результат гигантской, раскинувшейся над ним системы расчётов, жертва картотеки» [21, с. 426], и это является *необходимостью* разворачивания в действительность самой сущности новоевропейского субъекта. Здесь важно отметить, что публичное истолковывается Арендт а не в том значении, которое придавал этому слову сам Хайдеггер (здесь важно удерживать *противоположность* между ними), оно существенно чуждо новоевропейскому субъекту, мечтой которого является «окончательно встроиться в машину» [22, с. 416], и которого представлять следует «всегда исключительно в соответствии с личным, и уже давно личным, в соответствии с зататками и условиями» [21, с. 535]: «Человека считают наиболее личным и данным, дабы он окружил себя всем доступным личным» [21, с. 535]. Такой субъект, который «озабочен обеспечением жизни» [22, с. 432], т. е. безопасностью, не способен к политическому.

Но тем не менее, личное как социальное не отменяет главную заботу человека: жизнь в *мире*, – только теперь нет никаких

препятствий к тому, чтобы *представить мир социально*. Арендт знает о такой тенденции в общественном знании: «Общественные науки пошли по следам политэкономии и теперь со своей стороны подобно поведенческим наукам сознательно ставят себе целью редуцировать человека во всей его деятельности до уровня всесторонне обусловленного и определённым образом ведущего себя живого существа, стремясь понять его в таком качестве» [4, с. 60].

Состав и конструирование мира как социальности

Традиция, сложности, связанные с порядком описания и языком, ценности, от которых не так просто публично отказаться, простая непоследовательность и недоговорённость – мало ли что ещё до времени препятствовали тому, чтобы заговорить о *социальном* теперь *мире* на *соразмерном* ему языке, – в акторно-сетевой теории Б. Латура [13] *такой мир*, наконец, получил одно из первых своих последовательных описаний.

Различение между сделанным и выросшим (“φύσις” греков) было известно давно; однако возобладавший логоцентризм в поздней греческой философии (по Хайдеггеру, платоновская интерпретация её начала [20]) и основанное на этом первенство, отданное “τέχνη”, знание, ориентированное на “ποίησις” (произведение, изготовление), стали принципом (отличным от начала “ἀρχή”) европейской метафизики. Новое время знает это различие как разделение между произведённым и данным в форме, представленное первоначально Дж. Вико [10]; но существенным для разделения наук о природе и наук о духе и их методологии (или «исторических наук о культуре» (Г. Риккерт [19])) является различие в логоцентричном знании, которое нерелевантно для *производства мира*. Традиционно мыслимая особенность наук о культуре была с самого возникновения (почти: Риккерт считал, что если социологии суждено появиться в качестве науки, она будет по своему методу *естественной наукой* [19, с. 9], с чем сразу не согласился другой баденский неокантианец – М. Вебер [8]) усвоена социологией, суб-

станциализировавшей данное методологическое различие; Латур считает, что выделение социального как особенной области не имеет оснований в случае, если её мыслить как субстанцию, или, пишет Латур, как эфир в прежней физике. Латур просто последовательно реализует программу, заложенную в европейской метафизике (что нисколько не умаляет, но, совсем напротив, преумножает его заслуги), но, как мы покажем, специфическим способом, определённым способом представления действительности в экономической парадигме.

Два главных вопроса, которые здесь возникают: во-первых, включение в социальное неживого, т. е. такое производство состава мира, которое исключает социальную субстанцию; и, во-вторых, *проведение границ*, как пишет сам Латур, картография.

Латур пишет: «Прилагательное “социальный” одновременно обозначает два совершенно разных феномена: это и некая субстанция, разновидность вещества, и движение между не-социальными элементами. В обоих случаях социальное исчезает. Если считать его чем-то плотным, оно теряет способность связывать; но и если думать, что это что-то текучее, оно тоже исчезает – социальное вспыхивает лишь на короткое время, в тот самый момент, когда новые ассоциации “склеиваются” в коллектив. И хотя на первый взгляд очертить предмет социальных наук вовсе не трудно, – благодаря массивной и повсеместной очевидности социального порядка, – теперь мы видим совершенно противоположное: нет ничего труднее, чем уловить социальные связи. Их можно проследить только когда они изменяются» [13, с. 223]. В социальных науках обычно (против чего выступает Латур) социальное «понимают как название конкретной сферы, как вид материала» [13, с. 92]. При этом социальное, скорее, не «из чего конкретно сделано», но ближайшим аналогом является «эфир XIX века, который одновременно должен был быть и бесконечно жёстким, и бесконечно эластичным. Ничего удивительного: как и эфир физиков, социальное социологов – это артефакт, порождённый всё тем же недостатком релятивности в описании» [13, с. 144–145]. Эфир –

это не просто материя, но первоматерия, которая объемлет всё, из которой всё состоит, бесконечно превращаемая материя, но греческой философии, то, что может мыслиться только в противоположность форме. Латур обвиняет такое понимание в метафизичности и пишет, что «если “социальные объяснители” не в буквальном смысле заменяют явление социальной силой, то что они имеют в виду, говоря, что существует некая сила “позади иллюзорных видимостей”, образующая “подлинную субстанцию”, из которой “на самом деле” состоят боги, искусства, право, рынки, психология и верования?» [13, с. 145].

Он утверждает, напротив, что «социальное не находится ни в каком конкретном месте как вещь среди других вещей, – но оно может циркулировать повсюду как движение, связывающее не-социальные вещи» [13, с. 151]: этим словом у Латур «обозначает не какую-то сферу реальности или отдельный элемент, а некое движение, перемещение, трансформацию, перевод, занесение в список» [13, с. 92]. Позже эта ассоциация получит название «сети». Что же касается АСТ, для неё «“социальное” – это название типа преходящей (кратковременной) ассоциации, характеризующейся тем способом, каким она собирается в новые формы» [13, с. 92]; т. е. социология ассоциаций, которую обосновывает Латур, представляет социальное так: «Общества нет, социальной сферы нет, социальных связей нет, а есть переводы между посредниками, которые могут порождать прослеживаемые ассоциации» [13, с. 153].

Такое понимание социального предполагает, что «“социальное” и “природное” нужно устранить одновременно» [13, с. 153]. «“Социальное” и “природное” *соотносительны*, они определяются друг через друга; акторно-сетевая теория не “распространяет социологию на не-человеков» [13, с. 153], но упраздняет само различие. Их различие, как мы писали выше и как считает Латур, из методологического превратилось в субстанциональное: «Когда какое-либо положение дел расщепляется на материальный компонент и прибавленный к нему в качестве аппендикса социальный, ясно одно: это искусственное разделение, навязанное междисциплинар-

ными дебатами, а не порождённое эмпирической необходимостью» [13, с. 118]. Итак, «в понимании “общества” надо отделять ассоциации – значение, которого мы придерживаемся, – от субстанции, сделанной из социального вещества, значение, от которого мы отказались» [13, с. 163].

Латур полагает, что сама действительность заставляет признать, что «неправдоподобно, чтобы миллионы участников наших действий включались в социальные отношения в трёх – и только в трёх – модусах существования: “материальной инфраструктуры”, “детерминирующей” социальные отношения, – как в марксистских типах материализма; “зеркала”, просто “отражающего” социальные различия, – как в критической социологии Пьера Бурдьё; или задника сцены, на которой человеческие социальные акторы играют главные роли, – как в интеракционизме Ирвина Гоффмана. Ни один из этих видов включения объектов в коллективность, конечно, нельзя назвать неправомерным, но всё это только примитивные способы упаковки узла связей, образующих коллектив. Ни одного из этих способов не достаточно для описания множественных переплетений человеческих и не-человеческих акторов» [13, с. 119–120].

Социальные агрегаты «являются объектом не остенсивного определения, а перформативного. Они создаются теми различными путями и способами, которыми заявляют об их существовании» [13, с. 52]; социальное действие «не только захватывается чужаками, оно ещё и передаётся или делегируется иным типам акторов, способным перемещать действие дальше посредством других видов действия и других типов сил» [13, с. 100]. Латур принципиально не соглашается с одним из основных принципов веберовской понимающей социологии (от субъективного смысла действия как конститутива социального действия), утверждая, что «если мы тверды в своём решении начать с разногласий по поводу акторов и действий, то любая вещь, изменяющая сложившееся положение дел тем, что создаёт различие, является актором, или, если у неё ещё нет фигуры, актантом» [13, с. 101].

В общем: «Группы создаются, активности выясняются, объекты играют роль» [13, с. 123]. Социальные силы, законы социального мира, сама причинность (и способы её объяснения: как у Дюркгейма, который настаивал на правиле, что социальное должно объясняться социальным и что одним и тем же следствиям должны находиться одни и те же причины; или как у Вебера в понимающей социологии) в акторно-сетевой теории Латура приобретают другое значение, но это тема для специального исследования. Важно именно то, что социальным является *способ*, которым человек связывает *весь мир в определенное единство*; для того, чтобы решить стоящие перед нами задачи, нужно определить *суть* этого способа.

Главное Латур определяет так: «Мы ясно сознаем, что главное свойство социального мира – это постоянное проведение людьми границ, отделяющих их от других людей» [13, с. 43]. Арендт, как мы видели, писала, что само проведение границы в современности, ставшей социальной, становится проблематичным, – но это именно потому, что она имела в виду *политическую* границу, т. е. такую, которая разделяет *существенно* различающееся и *существенно* разных. Латур вообще не ведёт речь о таких границах: он уже отказался от самой возможности подобных границ, когда провёл отказ от тени субстанциальности в описании социального. Ситуативность, перформативность, посредники, ассоциации, снятие различия между природным и социальным, – речи о *существенном* различии в таком представлении не идёт. Границы пролагаются *классификацией* и *каталогизацией*, осуществляется процедура картографирования, – форма социальному придаётся *существенно бюрократически*: проведение границы есть бюрократическая процедура *управления*: «Нам очень поможет в поиске следов стабилизации разногласий, если мы выведем на первый план важное понятие стандартов. Можно сказать, что социология социального циркулирует так же, как физические эталоны, или, ещё лучше, что

социальные науки – часть метрологии» [13, с. 314].

Стандарты и метрология «решают на практике проблему относительности» [13, с. 315], т. е. соединения *разнородного*, которое таким нисколько не является субстанциальным, «при условии, что вы найдёте способ присоединить свой локальный инструмент к одной из многочисленных метрологических цепей, материальные сети которых могут быть полностью описаны и цена которых может быть полностью определена. А также при условии, что нет ни разрыва, ни зазора, ни неопределённости ни в одной из точек трансмиссии» [13, с. 315]. Речь не идёт о том, что «некоторые могущественные люди несправедливо “рассовывают по ящикам” других, тем самым игнорируя и калеча их “невыразимый внутренний мир”». Скорее, циркуляция квазистандартов позволяет анонимным и изолированным силам медленно, слой за слоем, становиться сопоставимыми и измеримыми, а это, конечно, составляет большую часть того, что для нас означает “быть человеком”» [13, с. 317], – мы уже приводили высказывание Хайдеггера о том, что есть современный человек, – вот это, что пишет Латур, и есть.

Латур пишет: «Именно потому, что масштаб не является фиксированной принадлежностью социального, такие собирающие формулировки и играют столь важную роль. Когда им позволено просто представлять, овеществлять или объективировать что-то другое, например, социальный контекст на заднем плане, их эффективность уже не видна. Но как только в них снова видят многочисленные стандарты, циркулирующие по тонким метрологическим цепям, они явно превращаются в источник того, что мы понимаем под бытием в обществе» [13, с. 320]. Но этому, казалось бы, вполне логичному и естественному, выводу, основанному на непредвзятом восприятии действительности социального, по Латуру, мешает именно традиция, навязываемая политической точкой зрения и политическим интересом.

Напомним, что у прилагательного *социальный*, согласно Латуру, два разных значения, – «я думаю, это объясняется тем, что социальные науки пытались решить одновременно три различных задачи: документирование способов, которыми создаётся социальное изобретательным умом членов общества; стабилизация разногласий по поводу социального путём ограничения множества действующих в мире сущностей; решение “социального вопроса” с помощью протезирования политического действия» [13, с. 225].

Необходимая для политического концепция политического единства, политического тела (полиса), «предполагала его виртуальность, всеобщность и повсеместное присутствие в уже готовом виде. В этом нет ничего неправильного, поскольку ему приходилось решать неразрешимую проблему политического представления, растворяя многих в одном и заставляя одного подчиняться многим. Только политическое действие способно благодаря непрерывному круговому движению очерчивать эту виртуальную всеобщую сборку, постоянно находящуюся под угрозой полного исчезновения» [13, с. 227]. Именно здесь Латур обнаруживает причину устойчивости иллюзии представлять социальное субстанциально: «Как только вы меняете модус существования публичного, превращая его в общество, чтобы сохранить за собой огромную, противоречивую и трудную задачу объединения его политическими средствами, его проблематическая хрупкость исчезает» [13, с. 228]. Устранить это препятствие и разрешить политическое в социальное есть, таким образом, необходимый шаг к освобождению социального и одновременно к его *по-себе* представлению.

Таким образом, политическое и социальное – из *разных* действительностей, относятся к *разным* парадигматическим представлениям действительности; у них разные *начала*, и как чуждым друг другу, им одновременно, в *конечном счёте*, нет места в *одном мире*.

Заключение

Социальность есть один из необходимых *эффектов* представления действительности в экономической парадигме. Можно и нужно искать *объяснения* или стремиться к *пониманию* её господства и рассказывать *истории* её триумфа; выяснять, почему и вследствие чего современный человек стал *animal laborans*, а его мир – социальностью, в своей определённости – результатом / продуктом *бюрократического управления*. Можно также полагать, как К. Шмитт, что политическое неустранимо и не может без остатка *разрешиться* в экономическом [14; 16]; предостерегать, как это делала Арендт, что если различия будут устранены, а для политики как общего дела не останется места в действительности как социальном, то «никакой искусственный конформизм массового общества не помешает распаду общего мира на осколки» [4, с. 76], потому что, считает она, «общий мир исчезает, когда его видят только в одном аспекте; он вообще существует только в многообразии своих перспектив» [4, с. 76]. Можно даже верить в то, что современный человек не есть только историографическое животное и ещё способен к *истории* (вопреки модному либеральному лозунгу о конце истории как *исполнившейся* и завершившейся в современном либеральном индивид как её цели). Можно надеяться, что политическое действие остаётся возможным, – Дж. Агамбен писал, что любой призыв к политическому действию необходимо предполагает вопрос: «Во имя чего / кого?», – и в нашей современности такой вопрос, как правило, остаётся без ответа [1, с. 79–80].

Но *достоверно* *наличное*: управление наконец получило *инструмент*, гарантирующий *безопасность* *социального*, – он называется, как предвидел Хайдеггер ещё в 30-е гг. XX в. [18] *цифровизацией*, и *animal laborans* наконец осуществит мечту окончательно встроиться в машину в качестве *человеческого капитала* [15].

Статья поступила в редакцию 05.05.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агамбен Дж. Во имя кого? // Агамбен Дж. Костёр и рассказ / пер. Э. Саттарова. М.: Грюндриссе, 2015. С. 79–86.
2. Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления / пер. Д. С. Фарафоновой, Е. В. Смагиной. М., СПб.: Институт Гайдара: Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. 552 с.
3. Анкерсмит Ф. Р. Политическая репрезентация / пер. с англ. А. Глухова. М.: Высшая школа экономики, 2012. 288 с.
4. Арендт Х. Vita activa, или деятельной жизни / пер. В. В. Бибикина. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
5. Арендт Х. О революции / пер. И. Косич. М.: Европа, 2011. 464 с.
6. Бек У. Что такое глобализация / пер. В. Д. Седелника, А. Григорьева. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
7. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального / пер. Н. В. Суслова. Екатеринбург: Уральский университет, 2000. 96 с.
8. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения / сост. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 602–643.
9. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 4: Господство. М.: Высшая школа экономики, 2016. 542 с.
10. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций / пер. А. А. Губера. М., Киев: REFL-book: ИСА, 1994. 656 с.
11. Кант И. Основоположение метафизики нравов // Кант И. Сочинения: в 8 т. Т. 4 / пер. Н. М. Соколова. М.: Чоро, 1994. С. 153–246.
12. Лал Д. Похвала империи: Глобализация и порядок / пер. Б. Пинскера. М.: Новое издательство, 2010. 364 с.
13. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. И. Полонской. М.: Высшая школа экономики, 2014. 384 с.
14. Мальцев К. Г., Зайцева Е. А. К вопросу о статусе и интерпретации решения в онтологиях «социального порядка» (трансцендентализм М. Вебера и децизионизм К. Шмитта). Часть 2: Децизионизм К. Шмитта // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 4 (44). С. 103–114.
15. Мальцев К. Г., Мальцева А. В. «Человеческий капитал» как концепт биополитики: опыт философского истолкования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10. № 5. С. 242–252.
16. Мальцев К. Г., Мальцева А. В. Ещё к истолкованию «децизионизма К. Шмитта» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11. № 3. С. 216–229.
17. Мальцев К. Г., Мальцева А. В. Кризис суверенного государства-нации и «рациональная дискуссия»: либеральный дискурс «спасения» демократии и «общего блага» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. Научный журнал. 2022. Т. 12. № 1. С. 193–208.
18. Мальцев К. Г., Мальцева А. В. Цифровизация и «цифровой фетишизм»: предвидения в бытийно-историческом мышлении М. Хайдеггера. // Человек. Культура. Образование. 2020. № 4 (38). С. 46–58.
19. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий / пер. Д. В. Викторова. СПб.: Наука, 1997. 532 с.
20. Хайдеггер М. Введение в метафизику / пер. Н. О. Гучинской. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. 302 с.
21. Хайдеггер М. Размышления II–VI (Чёрные тетради 1931–1938) / пер. с А. Б. Григорьева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 584 с.
22. Хайдеггер М. Размышления VII–XI (Чёрные тетради 1938–1939) / пер. с А. Б. Григорьева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 528 с.
23. Шмитт К. Гарант Конституции // Шмитт К. Государство: право и политика / пер. О. Кильдюшова. М.: Территория будущего, 2013. С. 27–220.
24. Шмитт К. Понятие политического / пер. А. П. Шурбелева, Ю. Ю. Коринца. СПб.: Наука, 2016. 567 с.
25. Habermas J. Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society. Boston: Beacon Press, 1984. 465 p.

26. Habermas J. Theory of Communicative Action. Vol. 2: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason / transl. T. A. McCarthy. Boston: Beacon Press, 1987. 463 p.
27. Rowls J. Political Liberalism. New York: Columbia university press, 1996. 525 p.

REFERENCES

1. Agamben G. I Nomi Degli Dei (Rus. ed.: *Vo imya kogo?* In: Sattarova E., transl. Agamben G. *Kostyor i rasskaz* [Il Fuoco Il Racconto]. Moscow, Gryundrisse Publ., 2015, pp. 79–86).
2. Agamben G. Il Regno a la Gloria. Per una genealogia teologica dell'economica e del governo (Rus. ed.: Farafonov D. C., Smagina E. V., transl. *Carstvo i slava. K teologicheskoy genealogii ekonomiki i upravleniya*. Moscow, St. Petersburg, Gaidar Institute Publ.; Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University Publ., 2018. 552 p.).
3. Ankersmit F. R. Political Representation (Rus. ed.: Gluhov A., transl. *Politicheskaya reprezentatsiya*. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2012. 288 p.).
4. Arendt H. Vita activa oder vom tätigenleben (Rus. ed.: Bibihin N. N., transl. *Vita activa, ili deyatel'noy zhizni*. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2000. 437 p.).
5. Arendt H. On Revolution (Rus. ed.: Kosich I., transl. *O revolyucii*. Moscow, Evropa Publ., 2011. 464 p.).
6. Bek U. Was ist Globalisierung? (Rus. ed.: Sedel'nik V. D., Grigor'ev A., transl. *Chto takoe globalizatsiya*. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2001. 304 p.).
7. Baudrillard J. L'ombre des majorités silencieuses, ou la fin du social (Rus. ed.: Suslov N. V., transl. *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili konec social'nogo*. Ekaterinburg, Ural University, 2000. 96 p.).
8. Weber M. Soziologische Grundbegriffe (Rus. ed.: Davyova Yu. N., comp. *Osnovnye sociologicheskie ponyatiya*. In: Veber M. *Izbrannyye proizvedeniya*. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 602–643).
9. Weber M. Wirtschaft Und Gesellschaft. Grundriss Der Verstehenden Soziologie (Rus. ed.: *Hozyajstvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchej sociologii. T. 4: Gospodstvo*. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2016. 542 p.).
10. Vico G. Principi di una scienza nuova d'intorno alia comune natura delle nazioni (Rus. ed.: Guber A. A., transl. *Osnovaniya novoy nauki ob obshchej prirode natsij*. Moscow, Kiev, REFL-book Publ., ISA Publ., 1994. 656 p.).
11. Kant I. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten (Rus. ed.: Sokolov N. M., transl. *Osnovopolozhenie metafiziki nravov*. In: Kant I. *Sochineniya. T. 4* [Essays. Vol. 4]. Moscow, Choro Publ., 1994, pp. 153–246).
12. Lal D. In Praise of Empires: Globalization and Order (Rus. ed.: Pinsker B., transl. *Pohvala imperii: Globalizatsiya i poryadok*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2010. 364 p.).
13. Latour B. Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory (Rus. ed.: Polonskaya I., transl. *Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu*. Moscow, Higher School of Economics, 2014. 384 p.).
14. Mal'cev K. G., Zajceva E. A. [On the Question of the Status and Interpretation of the Decision in the Ontologies of the "Social Order" (M. Weber's Transcendentalism and K. Schmitt's Decisionism). Part 2: Decisionism of K. Schmitt]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki* [Bulletin of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences], 2016, no. 4 (44), pp. 103–114.
15. Mal'cev K. G., Mal'ceva A. V. ["Human Capital" as a Concept of Biopolitics: An Experience of Philosophical Interpretation]. In: *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment* [Bulletin of the South-Western State University. Series: Economy. Sociology], 2020, vol. 10, no. 5, pp. 242–252.
16. Mal'cev K. G., Mal'ceva A. V. [More on the Interpretation of the "K. Schmitt's Decisionism"]. In: *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment* [Bulletin of the South-Western State University. Series: Economy. Sociology. Management], 2021, vol. 11, no. 3, pp. 216–229.
17. Mal'cev K. G., Mal'ceva A. V. [Crisis of a Sovereign State-nation and "Rational Discussion": Liberal Discourse of "Saving" Democracy and "Common Good"]. In: *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment. Nauchnyy zhurnal* [Bulletin of the South-Western State University. Series: Economy. Sociology. Management. Science Magazine], 2022, vol. 12, no. 1, pp. 193–208.
18. Mal'cev K. G., Mal'ceva A. V. [Digitalization and "Digital Fetishism": Predictions in the Existential-historical Thinking of M. Heidegger]. In: *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Human. Culture. Education], 2020, no. 4 (38), pp. 46–58.

19. Rickert H. Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung (Rus. ed.: Viktorova D. V., transl. *Granicy estestvennonauchnogo obrazovaniya ponyatij*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997. 532 p.).
20. Heidegger M. Einführung in die Metaphysik (Rus. ed.: Guchinskaya N. O., transl. *Vvedenie v metafiziku*. St. Petersburg, High Religious and Philosophical School, 1998. 302 p.).
21. Heidegger M. Schwarze Hefte (Rus. ed.: Grigor'ev A. B., transl. *Razmyshleniya II–VI (Chyornye tetradi 1931–1938)*. Moscow, Gajdar's Institute Publ., 2016. 584 p.).
22. Heidegger M. Schwarze Hefte (Rus. ed.: Grigor'ev A. B., transl. *Razmyshleniya VII–XI (Chyornye tetradi 1938–1939)*. Moscow, Gajdar's Institute Publ., 2018. 528 p.).
23. Schmitt C. Constitutional Theory (Rus. ed.: Kil'dyushov O., transl. *Gosudarstvo: pravo i politika* [State: Law and Politics]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2013, pp. 27–220.
24. Schmitt C. Der Begriff des Politischen (Shurbelev A. P., Kornic Yu. Yu. transl. *Ponyatie politicheskogo*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016. 567 p.).
25. Habermas J. Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society. Boston, Beacon Press, 1984. 465 p.
26. Habermas J. Theory of Communicative Action. Vol. 2: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason. Boston, Beacon Press, 1987. 463 p.
27. Rowls J. Political Liberalism. New York, Columbia university press, 1996. 525 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мальцев Константин Геннадьевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии науки Белгородского технологического университета имени В. Г. Шухова;
e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Мальцева Анна Викторовна – кандидат политических наук, доцент кафедры теории и методологии науки Белгородского технологического университета имени В. Г. Шухова;
e-mail: pavic69@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Konstantin G. Maltsev – Cand. Sci. (Philosophy), Prof., Prof., Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov;
e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Anna V. Maltseva – Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov;
e-mail: pavic69@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мальцев К. Г., Мальцева А. В. Социальное и политическое в экономической парадигме // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 3. С. 123–134.

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-3-123-134

FOR CITATION

Maltsev K. G., Maltseva A. V. Social and Political in the Economic Paradigm. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2022, no. 3, pp. 123–134.

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-3-123-134